

размыты и в пересказе писателя едва ли точны — как едва ли точна, например, версия, что державший Вада в батраках казак жил на хуторе около... Екатеринбург. Ощущению близости способствуют не знакомые по литературе и искусству картины столично-праздничной жизни тех лет, протекающей на развалинах габсбургской империи, когда с одной сцены на другую триумфально шагала оперетта, умиляла кинопублику «Петер», «Маленькая мама» и «Мишка-аристократ» — этого мы не находим в книге. Важно и ценно другое — показанное в романе время писатель прожил со своим народом, и народ под пером реалиста выступил не жутковатой или благой мифологемой и не в умышленном контрасте с суевой «столицей», а проще: самим собой. Размышляя о возможностях взаимопонимания русской и венгерской культур, современник Сабо Ласло Немет высказал однажды мысль о том, что нации, в гуще которых не нивелирована и не затерта такая великая ценность, как народ, с особой легкостью поймут друг друга через свою литературу. То же чувствуешь и при чтении «Пяди земли».

Народ остается «самим собой» — но это вовсе не значит, что народ «не шелокнется». Хотя для автора романа, по шутливому замечанию венгерского критика Михая Цине, было бы достаточно, не мудрствуя, попросту записывать все, что он видел дома, писатель искал и улавливал движение, отмечал начала и в меру сил предугадывал концы. Нарастает злоба против власть имущих; полиция берет на заметку так и не удержавшегося от «Интернационала» Имре Вада; из лихого гулящего парня вырастает в деревенского вожака Гоз — на него тоже смотрят с опаской господа и полиция, а в голове его и впрямь бродят крамольные мысли и мечты о какой-то по-новому счастливой стране и ее чудесном счастливом народе. Мечты эти наверняка разделяет писатель. Причем ради полноты нового он, пожалуй, взял бы в будущее и многое из жизни старой — и крестьянские «странности», и грамматическую нескладность сочной деревенской речи (здесь, как и вообще в описаниях народного быта, переводчик вполне на высоте), возможно, даже и незадачливого исправника, к которому Гоз, в отличие от писателя, относится всего лишь с холодным презрением.

Хорошо видно, что народный писатель вовсе не «растворен в народе» и хорошо известный ему народ совсем не однолик. Расставаясь с этими разными героями «Пяди земли» накануне больших перемен, мы догадываемся, что и в будущем они неодинаково станут переживать одни и те же события. Кто-то с готовностью сам устремится в будущее. Кто-то, в растерянности оглядываясь назад, замрет на месте. Кому-то, возможно, придется шагать вперед быстрее, чем вчера. Сегодня то, что для довоенного села было неясным, грядущим, стало реальностью. И нынешний день предоставляет нам счастливую возможность

убедиться и в том, что каждая пядь не поднятой когда-то целины уже основательно пропахана, и в том, что красота труда, неделанной скромности и правды в жизни людей Алфёлда всецело и бесспорно сохранилась. Для этого немало сделал и сам Пал Сабо.

С. НЕБОЛЬСИН

РАЗНЫЕ ГРАНИ

Венгерский рассказ. Перевод с венгерского. Составители Михай Цине и Лариса Васильева. Предисловие Михая Цине. Москва, «Молодая гвардия», 1975. В лучах света. Сборник рассказов венгерских писателей. Составитель Иштван Галл. Москва, «Молодая гвардия», 1976.

Прудно, очень трудно составлять антологический сборник рассказов: чтобы представить всех действительно серьезных авторов, сохранить тематическое разнообразие и не допустить, чтобы жесткий алфавитный порядок авторов помешал внутренней гармонии переходов от одного произведения к другому, и еще уйма всяких иных «чтобы». Вдвойне трудно, когда сборник рассчитан на зарубежного читателя: должны быть понятны все реалии и проблемы, которыми насыщена ткань рассказов. Да еще, как заявлено в предисловии Михая Цине, чтобы это было обзором новейшего венгерского рассказа и — одновременно — достоверной повестью о человеке, о созидательной жизни народа.

«Венгерский рассказ» несет некоторые следы этих трудностей: ради тематической широты и из опасения, что не все проблемы будут правильно восприняты, в него попали и произведения не антологической ценности, а то и простодушно сентиментальные.

Но в целом сборник выразителен и многообразен. Если же учесть, что эту основательную книгу словно бы подпирает вышедший вслед за ним в том же издательстве сборник рассказов для молодежного читателя «В лучах света», то картина становится еще полнее, тем более, что составитель этого сборника чувствует себя свободнее, раскованнее: его не связывает необходимость представительства. Да и многие рассказчики — Карой Сакони, Лайош Галамбош, Иштван Галл и другие — участвуют в обоих сборниках, и оттого особенности их дарования проступают более отчетливо, определено.

Что сильнее влечет в таком издании — то своеобразное, что не похоже на привычную для нас жизнь и литературу, или те частицы общего, легко узнаваемого, что приближает к нам иную, со своими обычаями и традициями жизнь? Наверное, и то, и другое.

СРЕДИ КНИГ

И все-таки меня больше затронуло именно общее. Очень интересно пронаблюдать, как общий характер социалистической жизни, общие принципы ярко отражаются в ином жизненном материале, в иной художественной традиции. И происходит это в самом широком диапазоне — от героического утверждения идеалов до сатирического взгляда на человеческие несовершенства. В «Неотвязном воспоминании» Гёзы Молнара рассказчик вспоминает о безымянном связном, который, будучи схвачен фашистами, не выдал участников группы, готовившей восстание в столице при приближении советских войск, — сколько подобных художественных свидетельств верности своему долгу знает и наш военный эпос! А в «Протоколе» Габора Годы бурные переживания некоего Коциана в связи с тем, что он не получил приглашения на торжественное заседание, где ему полагалось быть по служебной иерархии, переключаются с «Друзьями» Г. Бакланова, где архитектор Немировский, опоздав на городской актив, прошел по привычке в президиум, хотя на этот раз он не был избран. Только если у Годы, в соответствии с сатирическим жанром, все заканчивается улыбкой, то в романе Бакланова последствия оказались драматичными для героя. Но в обоих случаях выморочность бюрократической престижности предстает отчетливейшим образом.

Подобные ассоциации, переключки отдельных мотивов будут, вероятно, возникать у каждого читателя, немало способствуя эмоциональному восприятию рассказов.

Центром, сердцевинкой обоих сборников стал для меня «Один день счастья» Антала Вега. И не потому, что считаю его наилучшим, и не потому, что он так живо напоминает многие страницы В. Распутина и других наших нынешних «деревенских» прозаиков. В этой вроде бы бесхитростной зарисовке (хотя не случайно здесь нет имен, просто: вдова, сын, невестка) талантливо схвачено, как изменилось все в Венгрии на протяжении жизни одного поколения. Здесь налицо и разительный рост материального достатка, и отсутствие у молодых тревоги за «черный день», угроза которого заставляла старое поколение почти инстинктивно откладывать лишний фантик, и столкновение разных психологий — разного отношения к труду, к свободному времени, к жизненным ориентирам. Эти глубинные социальные процессы, переворотившие всю жизнь, самыми разными гранями отражаются в сборниках.

В рассказе Иштвана Сабо «На остановке рейсового автобуса» предстает юмористическая ипостась этого «раздора» поколений. Нет, дело вовсе не в их полной несовместимости — в иных рассказах («Пусть Эржика ходит в школу» Лайоша Нада, «Прыжки через костер» Иштвана Чурки) старые и молодые близки друг другу. Речь здесь идет о ситуациях, наглядно показывающих стремительность и необратимость перемен в сегодняшней жизни. И необхо-

димой нотой в этом эпосе о венгерской нови звучит «Свобода» Лайоша Мештерхази. Это рассказ о поколении, которое было молодым весной сорок пятого: «Мы были неистово веселы и молоды — тоже неистово». Революционная юность была готова немедленно переделать весь мир; подобное происходило в «Ячейке» Б. Горбатова, «Натке Мичуриной» В. Кетлинской и других наших романах 20-х годов о коренной ломке старого мира. И какими странными, несуразными, смешными показались героям Мештерхази слова отставного министерского чиновника, владельца двухэтажного особняка, который они хотели приспособить под районный дворец культуры. Старик почему-то не разделял их радости по поводу того, что его дом пойдет на общественные нужды, а ему с женой хватит и маленькой квартирки привратника. И смешной старик пришел домой и умер от разрыва сердца. Но молодым было не до соболезнования, они жалели совсем о другом: «У него есть коллекции. Жаль. Он мог быть хорошим смотрителем». И только теперь рассказчик понимает, что они, «творя хорошее, совершали немало глупостей», что жизнь сложнее, чем это казалось в веселом неистовстве молодости.

Без этого напоминания о сложности психологических процессов, не совпадающих порой с социально-экономическими, была бы, вероятно, неполной картина происшедшего и происходящего в Венгрии: торжества справедливости, уважения к людям, увлеченности созидательным трудом.

Только на этой объемной гуманистической основе, на этой осознанной тяге к достоверности органически вырастают самые разные по жизненному материалу, интонации, художественным приемам рассказы.

Среди них — мощный пласт героических: «Рожика» Бели Иллеша о девушке, отважно выступившей против хулиганствующих молодчиков в пятьдесят шестом году, «Лейтенант» Иштвана Галла о мужественном поступке лейтенанта на учениях в современной армии, «Маленький человек — большой человек» Имре Добози.

Последний из них — особенно интересен. Рассказчик слушает в придорожной корчме беседу двух селян. Один излагает быль о том, как кузнец из деревни собеседника вынес страшные муки от бывших владельцев кооперативной земли, но не отрекся ни от того, что он коммунист, ни от того, что кооператив есть и будет. А второй все время поправляет, когда первого «заносит»: нет, кузнец был не лихой здоровый мужик, а, наоборот, внешне невзрачный; нет, не расшвырял он тогда этих братьев Межуи, а просто вытерпел все мучения от них и т. д. К концу разговора выясняется, что второй собеседник и есть тот кузнец. Так причудливо сплелись здесь и народное восхищение стойкими борцами за свою идею, и фольклорная гиперболизация героя, и несовпадение внешнего облика и внутреннего мужества. А в самой глубине проходит деликатный намек собратям по

перу: не нужно расцвечивать героизм, маленький человек становится большим не от приукрашивания, а от достоверности.

Рядом с героическим пластом залегает в сборнике бытовая пласт. Рассказ «В чужом доме» Кароя Сакони — о том, как два друга из заводской бригады подыскали комнатку и помогают переезжать женившемуся товарищу. А он, оказывается, уже дал согласие тестю перейти с завода в артель, где повыше заработка. И хотя он еще верит — во всяком случае, уверяет, — что рабочая дружба не прервется, друзьям-то ясно, что все кончилось: дружба держится на единстве образа жизни и разрушается, если кто-то позарится на легкие хлеба. И эта ясная рабочая совесть создает внутреннее напряжение «обычного» радостного сюжета о появлении гнездышка у новобрачных. Слова в чужом доме — это не только о снимаемой комнатке, а и о сменяемом укладе.

И еще один, может быть самый большой по количеству рассказов, пласт — лирико-романтический. Это «Влюбленные, сотканые из солнечного света» Булчу Берта, где само название выражает тональность рассказа (отблеск которого дал, очевидно, и название всему молодежному сборнику). Это и «Любимая едет на бричке» Эрне Урбана, и «Волшебный сад» Иштвана Сабо, и «Агунишка» Эндре Фейеша. А Иштван Эркеня рассказал о том, как поэт прочитал из телефонной будки стихотворение редактору, а тот попросил написать другое — «повеселее». И будка ночью сорвалась с места, ушла за город и остановилась на цветущей поляне. И теперь те, кто ходят во время прогулки, наткнувшись на будку, позвонить в город, слышат грустные стихи поэта, сохраненные аппаратом. «Власть поэзии» — так и называется этот шуточный, но далеко не шуточный рассказ.

Невозможно ни пересказать, ни прокомментировать, ни даже назвать все рассказы. Да в этом и нет нужды: хотелось лишь показать, с каким изяществом и художественной фантазией воссозданы здесь разные грани сегодняшней венгерской жизни и какая впечатляющая эпическая картина вырисовывается из этой россыпи блестящих точек.

А. БОЧАРОВ

*Издано
за рубежом*

ПОЭЗИЯ РОДНОГО ДОМА

В связи с выходом в свет воспоминаний крупнейшего словацкого прозаика и поэта

Андрея Плавки газета «Новое слово» опубликовала его интервью, взятое писателем Любошем Юриком, которое мы предлагаем вниманию читателей. Первая часть мемуаров под названием «Влюбленный в жизнь» печаталась в «Иностранной литературе» (№ 10, 11, 1972 г.), публикация второй части — «Полной чаши» — начинается в этом номере журнала.

— Издание ваших мемуаров явилось важным событием для словацкой литературы. В них, как на киноплёнке, запечатлены события политической, общественной, культурной и литературной истории Словакии. Одновременно тут ощущается и дыхание европейской и даже мировой истории, хотя в равной мере это и история одного человека. Собственно, это — сага жизни поэта. И наше интервью мы, наверное, тоже могли бы начать с воспоминаний. Первый вопрос: почему вы решили написать мемуары? Что побудило вас к этому?

— Времена, которые сохранила еще моя детская память, были столь драматичны, что оказали большое влияние и на мое творчество. Бушевала первая мировая война, с башен деревенских костелов сбрасывали колокола, чтобы отлить из них пушки; плач женщины, недовольство народа — все это не могло не подействовать на мальчишеское воображение. Ну а потом прежде всего знаменательные дни переворота — я словно ворвался в новый, еще только зарождавшийся мир и вместе с ним переживал все его горести и радости. Шли годы, липтовская деревня начала менять свой облик, и я пытался запечатлеть эти перемены в художественной форме. Разумеется, это не всегда мне удавалось. А когда прошло немало лет и я вдруг заметил, что близится старость, то спохватился и подумал, что было бы нелишне теперь, уже с позиций зрелого человека, оглянуться назад и рассказать молодому поколению о том, как у нас люди когда-то думали, страдали, чувствовали, пели — словом, как жили, а именно этим в значительной мере и детерминировано мышление, образ жизни и характер нашего современника. Тут и следует искать мотивы, побудившие меня написать «Влюбленного в жизнь» и «Полную чашу».

— Такой человек, как вы, много повидавший, много слышавший, много переживший, человек, который много перестрадал и много написал, которому знакомое упоение творчеством, может сравнить и оценить. И мне бы хотелось услышать от вас о переменах, происходящих с вашим краем, с вашим Липтовом. Каким был этот лирический, воспетый в стихах (но в то же время суровый, печальный и в поте лица трудившийся) край во времена вашей юности и каков он сейчас? Какими были ваше детство, ваша юность, как вы воспринимаете сегодняшний, преображенный Липтов?

СРЕДИ КНИГ